Из истории Томского педагогического института

Личный листок по учёту кадр

Письмо о наболевшем

1956 год. Закончил работу XX съезд КПСС. В старом здании пединститута день за днем читают доклад Н. С. Хрущева. Читают на партийных собраниях, потом поочередно на комсомольских собраниях факультетов. На чтение доклада уходило более двух часов, но аудитории были заполнены до отказа. Стояла полнейшая тишина, слышен был лишь голос докладчика.

Обсуждений не было, взрыва негодований тоже. Только внезапно обнаруживалось, что в каждой группе есть 2—3 человека, у кого отцов забрали в 37-м году. Им стало легче дышать, остальные, по-моему, с трудом переваривали услышанное. Наш декан Казачков Б. В., стоя перед нами на лекции, сказал так: «Конечно, вам трудно понять, но мы, старшее поколение, ждали этого».

Не прошло и года, и в стенах пединститута вновь стало неспокойно. Органами КГБ был арестован старший преподаватель кафедры марксизма - ленинизма Юдин Эрик Григорьевич.

Мы, студенты младших курсов, сразу почувствовали, какая тяжелая гнетущая атмосфера установилась вокруг: как в лихорадке были все преподаватели, каждый вечер проводились партийные собрания.

Нельзя было обойтись одним Юдиным, нужна была компания, и людей нашли, Ими оказались: Досекина Н. И., преподаватель литературы, Куперт Ю. В. и Хохлов Н. А., преподаватели кафедры марксизма-ленинизма.

Все они приказом за № 65 от 12.04.57 (§§ 1, 2, 3) были освобождены от работы в институте с 15.04.57 как не удовлетворяющие требованиям преподавателя высшей школы.

О Хохлове в архиве ТГПИ есть еще одно упоминание — приказ от 1.07.57, который подтверждает предыдущий приказ о его увольнении, но уже с формулировкой «Как проявивший политическую беспечность, притупление бдительности и беспринципность».

Не обошла чаша сия и студентов. Мне, тогда третьекурснице, не довелось учиться у Юдина, не успела, но от старшекурсников отзывы о нем были самые хорошие. На семинарах своими вопросами он заставлял думать, анализировать, рассуждать, за это он, видимо, и поплатился.

Узнав о его аресте, студенты IV курса, выпускники (т. к. тогда учились 4 года) написали письмо в его защиту, подписались и с ним ходили по инстанциям, хлопотали. Очень скоро попало оно в КГБ. Вот тогда-то взялись и за нас. Состоялось комсомольское собрание всего физико-математического факультета. Перед нами выступили чужие дяди в штатском и довели до нашего сведения следующее: преподаватель Юдин арестован не зря, т. к., он против советского строя и тому подтверждение — выдержки из его лекций и из его писем к жене. Не постеснялись даже сказать нам, что провели обыск у его жены (она с 3-летним сыном жила у родителей в другом городе, вероятно, из-за квартиры). Нам прямо так и сказали, что нашли у жены письма, в которых он высказывал свои «крамольные» мысли. Что-то даже привели в пример, но это не запомнилось. На этом собрании мы узнали и о письме наших выпускников. Всю группу, естественно, наказать было нельзя, и отыгрались на двух, которых определили в зачинщики. Особенно досталось нашей гордости, сталинской стипендиатке. На нее собрали целое досье. Подробностей за давностью лет уже не помню, но облили ее грязью с ног до головы. Якобы, сидела она на скамеечке с военным и вела неподобающие разговоры, а он взял, да на нее и донес, и дальше все в том же духе. Ничего конкретного нам не сообщили, а девочек строго наказали. Вот копии приказов на них из архива пединститута. Приказ № 33 от 27.02.57.

§ 1

Студентку IV курса ФМФ Фандюшкину Н. С. за недостойное поведение, порочащее звание советского студента, исключить из числа студентов.

Ходатайство Кировского райкома ВЛКСМ и комитета ВЛКСМ ТГПИ.

§ 2

За совершенные поступки, порочащие звание стадинского стипендиата, снять студентку IV курса ФМФ Мартыненко З. Я. с 1.03.57 со сталинской стипендии и перевести на общую стипендию.

Ходатайство Кировского райкома ВЛКСМ и комитета ВЛКСМ ТГПИ.

Эти решения были приняты не на нашем собрании, их до нас довели, и нам пришли к сведению. Не знаю, кто какие сделал выводы. Мы с подружкой пришли к такому выводу: «Опять 1937 год. В письмах писать ничего нельзя, откровенные беседы вести только с близкими».

Мы опять замкнулись в себе, не успев раскрыться.

М. ПОЛЫНСКАЯ,
выпускница 1958 года ФМФ.

ОТ РЕДАКЦИИ. Письмо М. Б. Полынской заинтересовало нас как ценное свидетельство истории нашего института 50-х годов. В то же время возникает очень много вопросов: «Кто он, Юдин Э. Г?» В чем заключалось его преступление? Какова его последующая судьба?

Попытались ответить на некоторые из них члены Томского общества «Мемориал», преподаватели Томского пединститута и Томского военного училища связи Владимир Петрович Бойко и Игорь Николаевич Кузнецов.

С большим интересом мы ознакомились с письмом М. Б. Полынской и согласны с редакцией «Советского учителя» в том, что вопросов в нем поставлено больше чем достаточно. По роду своей деятельности занимаясь в различных архивах, мы собрали кое-какие материалы по делу. Э. Г. Юдина и ситуации, возникшей в пединституте в 1956 — 1957 годах. Охотно делимся этой информацией и своими впечатлениями о ней со всеми читателями «Советского учителя».

Тайна Эрика Юдина

СТАЛИНЩИНА

в Томском пединституте после XX съезда КПСС

1. Кто же Вы, Эрик Юдин?

Фамилия Юдиных довольно широко распространена в Сибири. Например, во второй половине XIX века был знаменит по всей Сибири красноярский золотопромышленник Геннадий Васильевич Юдин. Начало его состоянию положила фантастическая удачливость. Сначала по государственной лотерее он выиграл 200 тысяч рублей, а затем в частной — еще 75 тысяч. Деньги тратил на путешествия и «красивую жизнь», но не забывал и о своем будущем. Часть капитала Юдин вложил в добычу золота и производство хлебного очищенного вина. Прибыль от такого предпринимательства была чрезвычайно высокой, что давало ему возможность собрать колоссальную библиотеку (около 80 тысяч томов) редких книг и журналов, которую по достоинству оценили многие просвещенные люди того времени, в том числе и В. И. Ленин, который работал в ней, когда оставался в Красноярске и ждал паровоз по Сибирской. Сейчас эта библиотека составляет основу Русского отдела Библиотеки Конгресса США в Вашингтоне.

В будущем, может быть, доведется рассказать историю незлучего просвещенного капиталиста поподробнее, но сейчас она вспомнилась в связи с бедами, которые обрушились на его однофамильца, а может быть, и родственника.

Начало жизни Эрика Юдина складывалось вполне благополучно. Казалось, что он тоже выйдет у судьбы счастливый билетик. Посудите сами: родился он в 1930 году в Днепропетровской области. Редкой удачей было то, что в 1951 году Юдин окончил Московский юридический институт, а в 1955 — аспирантуру и защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата философских наук. В то время статус преподавателя вуза был значительно выше, чем ныне, хотя бы потому, что «остепененных» специалистов было очень мало. Например, в пединституте их можно было перечесть по пальцам. Распределение в наш вуз столичного аспиранта, согласитесь, не прошло бы незамеченным и сейчас. Таковы сухие данные биографии. Стоит добавить, что в 1952 году он вступил в партию, был женат, но семья в Томск не приехала. Проживал Юдин по адресу: ул. Герцена, 44, кв. 5.

2. Чем же тогда можно было разгневать горком партии

Теперь о сути конфликта, который возник в стенах института. Итак, молодой столичный ученый едет преподавать философию в далекий провинциальный вуз. Политическая обстановка в стране была в то время, как, впрочем, и всегда в советской истории, сложной. Одной из отличительных черт было неравномерное распределение минимума свобод по территории страны. В столичных центрах этих свобод, как, впрочем, и всего остального, было побольше, а на периферии, естественно, поменьше. Поэтому Э. Г. Юдин учился и сформировался как зрелый человек в условиях острого неприятия сталинщины и деспотизма, в условиях относительной свободы и напряженных интеллектуальных поисков истины. Прибыв в Томск, которого еще не коснулась «оторма» полномысليем, он своих взглядов не скрывал ни в частных беседах, ни на лекциях и семинарах. Нужно учитывать и его возраст — ему тогда было всего 26 лет, т. е. возраст, когда инстинкт самосохранения, по-другому его еще называют благоразумием, не позволяет себе подчинить все остальные человеческие качества. В условиях того времени смелые речи были необычны и не могли остаться незамеченными. Благодаря бдительности сексотов (слово это не имеет отношения к сексу, столь популярному ныне, сексот — это должностное лицо — секретный сотрудник соответствующих органов), которыми была нашпигована и студенческая среда, властям стало известно содержание разговоров Э. Г. Юдина.

Суть его якобы антипартийной точки зрения состояла в следующем: «Социализм у нас не построен, у нас нет того, что должно быть при социализме. Условия материальной жизни у нас нищенские...» Томский горком нашел, что это «неправильные трактовки марксизма - ленинизма» и предупредил его на заседании своего бюро. Кто был прав: Юдин или горком? Сейчас любой школьник на любом экзамене должен доказать, что тот горком был неправ и получить, за это заслуженную отличную оценку.

М. Б. Полынская хорошо передает атмосферу в институте после XX съезда партии, когда коммунистам и комсомольцам читали речь Н. С. Хрущева. Но ее словам молодежь «с трудом переваривала услышанное», не могла поверить своим ушам. Как выяснилось чуть позже, она была права: теперь можно было слегка критиковать «человека с усами» (определение Л. Фейхтвангера), но не его клику, которая вся осталась у руля власти. Сейчас понятно, что партократия отдала своего недавнего вождя не для того, чтобы очиститься, а для того, чтобы укрепить свои позиции. Система политической власти оставалась прежней, тоталитарной и деспотической, и для думающих людей того времени это не было секретом. К их числу и относился Э. Г. Юдин.

3. Речь, которая потрясла Томск

Взрыв подготовленной им бомбы произошел на партийном собрании пединститута 14 ноября 1956 года. Вот краткие выдержки из доклада Юдина, которые затем инкриминировались ему в качестве обвинительных аргументов. «Говоря о докладе Хрущева на XX съезде КПСС, Юдин высказал, что он страдает непоследовательностью и несамокритичен, что наши партийные руководители не хотят признать свою вину в поддержке и насаждении культа личности».

Мы, авторы этой статьи, присоединяемся к тому недоумению, которое возникло у Эрика Григорьевича в 1956 году, когда все беды сваливались на деспота, а не на деспотический режим, основу которого составлял «орден меченосцев» (определение партии Сталиным). Недоумение у нас возникает и от усердного втаптывания в грязь незадачливых рыцарей-звездоносцев застойного периода, в то время как «каста неприкасаемых» (нынешнее определение партократии) опять отделалась легким испугом.

«Юдин говорил, что в стране сильно развился бюрократизм, что он проник в партию, где рядовые коммунисты не участвуют в формировании и обсуждении принципов, коренных вопросов политики партии. По его мнению, нужно было усилить гласность партийной и государственной работы, давать о событиях того времени правдивую и полную информацию, а не лживую и отрывочную». Комментарии тут излишни — многие замечания автора, согласитесь, актуальны и сегодня.

Закончил свою речь оратор весьма эффектно: «Практика жизни убедила меня, что нужно иметь два мнения. Одно, которое можно сказать, и второе, о котором можно думать, но высказываться нельзя. Газеты кричат о демократии, а ее нет, на партийном продолжается культ личности».

Блестящее выступление, смелые, свежие мысли, которые от времени не потускнели, и которых сейчас так не хватает. Не потому ли, что их жестоко душили 30 лет назад?

4. Расправа за правду или правда о расправе

По свидетельству матери Э. Г. Юдина, после его выступления за ним начали усиленно следить. Слежка не ограничивалась наружным наблюдением — активно просматривалась личная переписка Юдина, с «помощью» органов госбезопасности вспоминались его разговоры, реплики на занятиях, «рецензировалось» содержание лекций. Одновременно были приняты партийные и административные меры. **20 декабря 1956 года** Кировский райком рассмотрел дело Юдина и за «извращения марксистско - ленинской теории и антипартийные выступления «объявил строгий выговор с занесением, а через неделю **28 декабря** Томский горком исключил Юдина из партии. Между двумя этими событиями вышел приказ об освобождении его от работы старшего преподавателя кафедры марксизма-ленинизма пединститута с **21 декабря 1956 года.** На этом, вероятно, изгнание «паршивой овцы» из благонамеренного стада и завершилось, если бы не одно отягчающее обстоятельство — студенты института написали письмо в защиту Юдина и 160 человек его подписали. Кто они — нам еще предстоит выяснить. Здесь мы надеемся на помощь ветеранов института, которые, наверное, помнят это нерядовое событие.

Такое массовое крамольное сомнение в аппаратной истине горкома и райкома требовало более серьезных профилактических мер. Нужно было прополоть советский огород до прежней стерильной чистоты, нужно было избавиться от «белой вороны», случайно оказавшейся в черной стае. Страшно любопытен, вернее, любопытен страшный процесс подготовки и проведения политического процесса, который завершает кампанию расправы над редким тогда свободным и смелым человеком.

5. Хроника одного преступления

По сценарию авторов расправы сначала нужно было заклеймить будущего преступника в глазах родного коллектива. Для этой цели **24 января 1957 года** состоялось партийное собрание института с целью «мобилизовать парторганизацию института на усиление политической работы в массах и пресечения вылазок вражеских элементов». С установочным словом, задавшим тон всему собранию, выступил секретарь обкома Н. В. Лукьяненок. Он обвинил коммунистов института в том, что они своевременно не разоблачили бывшего коммуниста Юдина. По его словам, «гнилую позицию по отношению к антисоветским, к антипартийным взглядам Юдина занимали члены кафедры марксизма-ленинизма т. Куперт и т. Говорков, которые знали его высказывания, но не сделали все возможное для его своевременного разоблачения». Странная позиция у секретаря обкома, который считает здоровой, «негнилой» позицией заурядное доносительство на своего коллегу. И А. А. Говорков, и Ю. А. Куперт, ныне профессора Томского университета, к их чести пожелали остаться «гнилыми» в глазах секретаря Лукьяненка, но сохранили имя порядочных людей в глазах потомков.

Однако большинство присутствующих на собрании за неимением аргументов, дали волю своим эмоциям. Их фамилии современному читателю ничего не скажут, но зе назвать их мы не можем. Аксиома человеческого общежития, выраженная в евангельском тексте: **«Нет ничего тайного, что не сделалось бы явным»** (Марк. 4.22) должна получить еще одно подтверждение. Сознательно не комментируем тексты выступлений, так как они и без того весьма колоритны.

Лисицын (инициалы и должность в протоколе не указаны): «Беда в том, что в поддержку Юдина звучало много голосов. В своем выступлении Юдин подверг сомнению правильность политики партии, он сделал недостаточное заявление о том, что широкие массы в Советском Союзе не участвуют в формировании мировоззрения...».

Козелков Г. В. (бывший секретарь парторганизации): «Почему Юдин длительное время насаждал антипартийную идеологию? Потому что он не знал, как живут наши студенты, чем они занимаются».

Кузнецов И. Ф.: «Самым печальным является то, что мы, коммунисты, проявили беспечность в отношении Юдина. Мы объясняли все эти выступления тем, что они проходят под лозунгом осуждения культа личности и проглядели, что выступления Юдина были направлены против демократического централизма».

Шамахов Ф. Ф. (зав. кафедрой педагогики): «Я полагаю, что важнейшей задачей нового состава бюро должна явиться разработка конкретного плана по ликвидации последствий вредной деятельности Юдина среди студенческой молодежи...»

Козлов С. Е.: «После того, что сообщил в докладе секретарь обкома, должно быть понятно каждому, что представляет из себя Юдин. Это матерый антисоветский элемент...»

Досекина Н. И.: «Проводя свою враждебную работу, Юдин ловко маскировался. Я никогда себе не прощу, что как парторг литературного факультета выступала в защиту Юдина. Я не знаю, куда мне деваться от позора».

Хохлов Н. А.: «Дело Юдина — большой урок для нас. Мы оказались политическими ротозеями. Юдин — враг партии и советского государства и, следовательно, каждого из нас. Это надо глубоко осознать и сделать выводы. Юдин противопоставлял марксизм каким-то точкам зрения...»

Стеценко А. Н.: «Юдин нанес огромный ущерб идейному воспитанию наших студентов. Наша вина состоит в том, что мы не сумели своевременно разоблачить враждебные действия Юдина и дать им надлежащую резкую отповедь».

Казачков Б. В. (М. Б. Полынская пишет, что он был деканом физмат, факультета): «Если проанализировать поведение Юдина, то каждый из членов нашей парторганизации может прийти к единственному выводу: он сделал идеологическое заявление о том, что широкие массы в Советском Союзе не участвуют в формировании мировоззрения...».

Оценить оперативность: 21 января выгнали с работы, а 22 марта уже осудили и посадили) по ст. 58-10 ч. 1 УК РСФСР (призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти) в 10 лет лишения свободы.

В феврале 1960 года определено было Э. Г. Юдину послабление — коллегия Верховного Суда РСФСР пересмотрела приговор и срок «отсидки» был снижен до трех лет. Свое 30-летие Эрик Григорьевич встречал, вероятно, уже на свободе.

Продолжение следует

Такова печальная история гражданского прозрения умного смелого и честного человека, на чьи плечи подвижнически взвалил бремя исследователя и корреспондента его ученик, которому, к его чести, оказалось в том, что он опередил свое время, не смог, как в свое время Л. Н. Толстой, В. Г. Короленко, А. М. Горький и другие совестливые люди, больше молчать.

В 1989 г. прокурор Томской области проверил, а Генеральный прокурор СССР отменил все судебные решения в отношении Юдина Э. Г., и дело прекратили за отсутствием состава преступления. Нам показалось странным, что заявление с просьбой о пересмотре и реабилитации поступило от матери бывшего «преступника» Грушко Ю. С., проживающей ныне в Москве. Мы обязательно пошлем ей газету с этой статьей и тогда, может быть, она попадет в руки ее сына. **Эрик Григорьевич, примите, пожалуйста, наши извинения за то, что Томск так нелаково встретил Вас тогда, что пединститут не дал Вам возможности продолжить, а мы уверены блестяще продолжить, научную и педагогическую деятельность. Но 160 студентов тогда и подавляющее большинство студентов и преподавателей сейчас благодарны Вам за урок честности и стойкости, который Вы нам преподали в далеком теперь 1956 году. Простите нас, Эрик Григорьевич, Простите и отзовитесь. Мы будем с нетерпением ждать вестей от Вас, чтобы до конца открыть тайну Вашего пребывания в Томске, узнать, как сложилась Ваша жизнь после 1960 года.**

В. БОЙКО,
И. КУЗНЕЦОВ.

17.04.90.